

TAMARA IRELAND
STONE

**LITTLE
DO WE
KNOW**

ТАМАРА АЙЛЕНД
СТОУН

Если бы
мы
знали

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С82

Tamara Ireland Stone

LITTLE DO WE KNOW

Copyright © 2018 by Tamara Ireland Stone
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Анны Тихоновой*
Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Стоун, Тамара Айленд.
С82 Если бы мы знали / Тамара Айленд Стоун ;
[пер. с англ. А. А. Тихоновой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-101359-2

Две неразлучные подруги Ханна и Эмори знают, что их дома разделяют всего тридцать шесть шагов. Семнадцать лет они все делали вместе: устраивали чаепития для плюшевых игрушек, смотрели на звезды, обсуждали музыку, книжки, мальчишек. Но они не знали, что незадолго до окончания школы их дружбе наступит конец и с этого момента все в жизни пойдет наперекосяк.

А тут еще отец Ханны потратил все деньги, отложенные на учебу в университете, и теперь она пропустит целый год. И Эмори ждут нелегкие времена, ведь ей предстоит переехать в другой город и расстаться с парнем. Как же девушке хотелось бы сейчас поддержать друг друга! Но иногда так сложно преодолеть обиды.

И все же в глубине души они надеются, что когда-нибудь смогут пройти заветные тридцать шесть шагов.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101359-2

© А. Тихонова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается моей лучшей подруге.
Я скучаю по тебе сильнее,
чем ты думаешь.*

Вы пришли сюда обрести то, что уже ваше.

Буддийский афоризм

Ханна

Наши с Эмори спальни разделяло всего тридцать шесть шагов.

Впервые мы сосчитали расстояние от окна до окна, когда нам было по шесть лет (сорок два шага). Потом в двенадцать (тридцать девять). Последний раз — в пятнадцать. Мы прислонились к стене ее дома, взяли за руки и пошли нога в ногу, смеясь и спотыкаясь, каждый раз пробуя заново, пока у нас не получилось.

Эта зеленая лужайка знала о нас все. Здесь мы учились ходить, устраивали чаепития для плюшевых игрушек, бегали в жаркие летние деньки под брызгами оросителей.

Вскоре всего один лишь призыв «ЛУЖАЙКА!» заставлял нас выбегать через заднюю дверь на улицу. Мы встречались посреди лужайки и сидели там часами: смотрели на звезды, обсуждали музыку, книги, мальчишек, учились целоваться на своих же плечах, пока не начинали засыпать на ходу или наши мамы не звали нас домой. Во время учебы в старшей школе у нас появились новые завораживающие тайны и любопытные истории, и мы искренне говорили друг другу: «Ты

же знаешь, что можешь поделиться со мной *чем угодно*, правда?»

Но не важно, как долго люди знакомы и сколько раз они повторяют эти слова, все равно у каждого в душе есть шкатулка с мыслями, которыми он, как ему *кажется*, не должен делиться с лучшим другом или подругой.

Кому, как не мне, этого не знать? Ведь я открыла эту шкатулку. И Эмори ответила мне тем же. С тех пор ни она, ни я больше не проходили заветные тридцать шесть шагов.

Эмори

День 273-й, осталось 164

Дома мы были одни. Я сразу это поняла по маминому плечу. Его покрывала лишь тонкая полоска розового или черного шелка, как обычно, когда Дэвид оставался на ночь. В другие дни мама ложилась спать в какой-нибудь из старых папиных футболок с названиями музыкальных групп.

Я на цыпочках вошла в комнату и присела на край кровати. Мама не шелохнулась, и я слегка потрясла ее за руку.

— Мам, привет, — прошептала я. — Я вернулась.

Она сонно замычала и лениво приоткрыла один глаз.

— Привет, милая! Как прошла вечеринка?

— Весело.

Прядь темных волос свесилась вперед, и мама потянулась убрать ее мне за спину.

— Люк тебя отвез?

— Да. — Я ощутила легкий укол совести, но решила об этом не думать.

— Мне он нравится, — прошелестела мама. — Хороший парень.

Она опустила голову на подушку и закрыла глаза.

— Да, хороший. — Я накрыла ее одеялом до подбородка и поцеловала в лоб.

Не успела я затворить дверь, как из постели снова раздалось тихое посапывание. В коридоре я выудила телефон из заднего кармана джинсов и написала Люку:

Доброй ночи.

Мы придумали кодовое слово еще восемь месяцев назад, когда начали встречаться, и нам обоим оно показалось гениальным. Если бы маме вздумалось просмотреть мою переписку — а она начала время от времени это делать после того, как Дэвид ее убедил, что все «ответственные родители» так поступают, — она бы сладко вздохнула и сказала: «Как мило, что вы с Люком желаете друг другу доброй ночи перед сном!»

Я зашла к себе в комнату, заперлась и дважды щелкнула выключателем. Потом порылась в шкафу, достала металлическую стремянку и отнесла к окну.

Люк уже был на месте; он стоял у стены дома Ханны, между идеально подстриженными розами ее матери и каким-то громадным цветущим кустарником. Когда я спустила лестницу, Люк огляделся по сторонам, убедился, что горизонт чист, и шагнул в пятно света под фонарем.

Он помчался ко мне по лужайке в развевающемся бело-зеленом шарфе и спортивной куртке «Футхил Фэлконс»¹ той же расцветки, раздувшейся от ветра и оттого походившей на причудливые крылья. Видимо, Люк тоже об этом подумал, потому что принялся махать руками, словно птица. Или летучая мышь. Или безумец.

Я зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

— Какой же ты чудак!

---

¹ Действительно существующая спортивная команда школы «Футхил» в Калифорнии. *Прим. пер.*

Он вскарабкался по стремянке, перебросил ногу через подоконник и прыгнул на пол. А потом показал большим пальцем на дом Ханны.

— Она не считает меня чудаком. Она думает, что я убийственно привлекателен.

Моя улыбка погасла. В нижнем углу окна комнаты Ханны, между занавеской и выкрашенной белой краской рамой, просвечивало ее лицо.

Я уже хотела, как обычно, сказать «Не обращай на нее внимания», но потом передумала. Раз уж она на нас смотрит, надо ей что-нибудь показать.

Я размотала шарф Люка и сбросила куртку на пол, а потом принялась стаскивать его футболку через голову.

— Ты что делаешь? — спросил он.

Я пробежалась кончиками пальцев по обнаженным плечам и груди Люка, а потом прижала его к стеклу и поцеловала, сначала нежно, затем более страстно. Он демонстративным жестом запустил руку мне в волосы.

Ханна, наверное, была близка к обмороку. Я буквально чувствовала волны осуждения и отвращения, исходящие от ее окна. Я представила, как она стискивает в кулаке свой крестик, так сильно, что на коже остаются четыре крошечных отпечатка, как отчаянно молится за мою душу и еще отчаяннее — за то, чтобы Бог покарал злодейского парня, посмеявшегося забраться ко мне в спальню в поздний час. Но честно говоря, этот образ был сильным преувеличением.

Я не выдержала и захихикала.

Люк схватил меня за талию и развернул так, что прижатой к стеклу оказалась я. Он поднял мне руки над головой, и я засмеялась еще громче.

— Ты как будто вышел из мыльной оперы, — сказала я.

— Эй, ты первая начала!

Я закинула ногу ему на бедро и притянула его ближе к себе.

— Она все еще смотрит, — сказал он. — Продолжай.

Но я не хотела продолжать. Я хотела поцеловать Люка по-настоящему, не напоказ и уж точно не для Ханны.

— Пожалуй, она увидела достаточно. — Я оглянулась, послала ей воздушный поцелуй и резко опустила жалюзи.

— Ты когда-нибудь расскажешь, что между вами произошло? — спросил Люк.

— Не-а.

Я не видела в этом смысла. За последние три месяца мы с Ханной не сказали друг другу ни слова. Мы учились в разных школах, я ходила в театральный кружок, а она — на репетиции церковного хора, и наши пути редко пересекались.

Не то чтобы меня это радовало, но что поделаешь?

Я подвела Люка к своей кровати. Он присел на край, а я встала между его колен. Погладила его темно-каштановые кудри и постаралась отбросить мысли о Ханне.

— Ну, когда вы наконец помиритесь, напомни мне ее поблагодарить.

— За что?

— Я буду думать сегодня перед сном об этом поцелуе.

Я улыбнулась и подумала: «Двести семьдесят три». Точнее, мне казалось, что подумала. На самом деле я произнесла это слух. Люк отодвинулся и посмотрел на меня.

— Что ты сейчас сказала?

— Ничего.

Я густо покраснела, понадеявшись, что Люк ничего не заметит в полутьме.

— Что значит «двести семьдесят три»?

— Я вовсе не это сказала, а... — Я попыталась придумать что-нибудь в рифму к «семьдесят три», но мне ничего не пришло в голову.

А Люк не сдавался. Он обхватил меня за бедра и притянул к себе.

— Ну, объясни.

— Не могу. Мне неловко.

— Со мной-то чего смущаться? — Люк расстегнул пуговицу на моей блузке. — Так что? У тебя двести семьдесят три веснушки?

Он поцеловал меня в ключицу.

— Возможно. — Я хихикнула. — Хочешь их сосчитать?

— Не могу. — Очередной поцелуй. — Здесь слишком темно. Ну, говори.

— Не скажу. Ты решишь, что я странная.

— Как же иначе! Ты и есть странная. В хорошем смысле, — ответил Люк и, глядя мне прямо в глаза, расстегнул следующую пуговицу.

— О-о, это мне нравится даже больше!

Я вытащила телефон из заднего кармана джинсов, открыла «Заметки», пролистала до 273-го дня и напечатала:

«Ты странная. В хорошем смысле».

— Ладно, уговорил. Смотри. — Я протянула ему телефон.

Люк медленно провел пальцем по экрану, проглядывая мои заметки.

— Погоди-ка, а кто сказал все эти слова в кавычках?

— Ты.

— Шутишь?

— Нет. Я начала вести этот цитатник в первый же день, когда мы с тобой познакомились. Тогда ты кое-что сказал, чем ужасно меня рассмешил.

— Это что?

Я промотала документ до самого верха.

«День 1: Кажется, я влип, Эмори Керн».

Он тихонько рассмеялся.

— И я не ошибся. Я знал, что ты интересная.

— А как же. — Я ухмыльнулась. — Но переплюнуть всех этих скучных девчонок, с которыми ты встречался, было несложно.

Люк показал на последнюю запись «День 437».

— Почему он здесь заканчивается?

Я пожала плечами и беспечно бросила:

— Это двадцатое августа.

День, когда Люк уедет в Денвер и поселится там в университетском общежитии, а я, если повезет, отправлюсь в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

— О! — выдохнул он.

Повисла неловкая тишина.

Я решила разрядить атмосферу шуткой.

— Я ни на что не намекаю, но последняя заметка должна быть самой классной. Советую уже сейчас начать думать, что ты скажешь в четыреста тридцать седьмой день.

Люк улынулся и продолжил читать мой цитатник.

— Что? Да быть такого не может!

Он залился хохотом, и мне пришлось зажать ему рот ладонью.

— Тише! Разбудишь мою маму!

Люк убрал мою руку и спросил:

— Почему ты не засмеялась мне в лицо, когда я заявил, цитирую: «От этих песен у меня создается ощущение, будто ты в моих объятиях»? Я такого *не говорил!*

— Говорил. Помнишь, ты составил для меня музыкальную подборку? Потому что ты лапочка.

Я поцеловала его в нос.

— Я думал, из-за этого цитатника неловко должно быть тебе, а не мне?

Он взглянул на меня из-под длинных ресниц и шаловливо улыбнулся. А потом провел пальцем по экрану влево. Рядом с 273 днями тщательно собранных «люкизмов» появился красный значок корзины.

— Люк! — Я испугалась и попыталась выхватить свой телефон, но Люк вытянул руку вверх, так что я не могла до него дотянуться. Моему цитатнику грозила верная смерть.

— Шучу. Я бы так не поступил.

Он провел по экрану вправо, и красный значок исчез. Люк бросил телефон на одеяло, привлек меня к себе и поцеловал.

О таком поцелуе я мечтала, когда мы дурачились у окна: медленном, неспешном, терпеливом и дразнящем, нежном и жадном — все одновременно. Как же приятно было целовать Люка! С ним было здорово заниматься чем угодно, но целоваться мне нравилось больше всего.

Он уложил меня на кровать, навис надо мной и вжал мои плечи в матрас.

— Ты самая классная девчонка из всех, что я знаю.

Я хлопнула его по руке.

— У меня уже есть цитата на сегодня! Не хочу, чтобы пришлось выбирать.

— Ты всегда меня удивляешь. Я еще не встречался с девчонкой, которая все время заставляла бы меня врасплох.

Он расстегнул очередную пуговицу.

— Ну вот, теперь ты выпендриваешься.

— А еще у тебя сногшибательная фигура, и я все время тебя хочу.

Он расстегнул последнюю пуговицу.

Я закатила глаза.